

Как переводить Шекспира

Заметки о конференции

Чего мы ожидаем от введения к книге, затрагивающей какие-либо новые, еще мало освещенные вопросы? Прежде всего — чтобы оно заинтересовало нас, дав почувствовать нам все значение этих вопросов, пробудив в нас желание прочитать самую книгу.

С этой точки зрения следует признать состоявшуюся четырехдневную конференцию (31 января — 3 февраля) по вопросу о советском переводе Шекспира бесспорно удачной. Она дала всем ее участникам возможность еще раз с особой интенсивностью ощутить всю исключительную и увлекательную сложность той проблемы, которая называется проблемой советского перевода Шекспира, а вместе с тем — всю актуальность, всю насыщенную важность правильного разрешения этой проблемы для советской литературы и для советского театра, для советских читателей и зрителей. Немногие конференции по специальным вопросам протекали в атмосфере такого напряженного внимания, и не так уж часто бывает, что заключительное слово последнего докладчика произносится при переполненном зале.

Но введение к книге все же не может заменить самой книги. И тот слушатель, который понадеялся бы найти в прочитанных на конференции докладах четкое, систематическое и конкретное освещение проблемы советского перевода Шекспира, несомненно испытал бы чувство некоторого разочарования.

В самом деле, как мыслилось бы правильное построение работ конференции? Прежде всего следовало рассмотреть те задачи, которые стоят перед советским переводчиком Шекспира, далее — пути выполнения этих задач, иначе говоря, конкретную методику перевода Шекспира. На этой основе следовало дать разбор и оценку имеющихся переводов — вскрыть, как понимали отдельные переводчики

свою задачу, как они ее разрешали и какими тенденциями они руководствовались в своей работе. Тогда слушатели действительно получили бы полную и ярко освещенную картину вопроса.

Заглавия обещанных докладов позволяли надеяться, что так в общем и будет сделано. «Реализм Шекспира и переводы Шекспира на русский язык» (докладчик проф. М. М. Морозов), «К методике перевода Шекспира» (докладчик К. И. Чуковский), «Проблемы советского перевода Шекспира» (докладчик В. М. Кожевников). Все это — темы, центральные для данного круга вопросов. Кроме того, Анной Радловой было сделано на конференции сообщение об ее работе над переводами Шекспира. Однако содержание названных докладов (за исключением, быть может, доклада проф. Морозова) не вполне соответствовало их названиям.

Конечно, докладчики затронули ряд теоретических моментов, порой весьма существенных и интересных. Сюда относятся, например, высказанные проф. Морозовым сообщения о необходимости диалектического подхода к понятию точности перевода (в зависимости от того, какой шекспировский текст переводится), указания К. И. Чуковского на важность синтаксической структуры шекспировской фразы для передачи шекспировских интонаций, на первостепенное значение чисто стихотворной стороны перевода (свобода, экспрессивность, благозвучие стиха); сюда же относятся, наконец, развитые В. М. Кожевниковым соображения по вопросу о ритмико-мелодических элементах шекспировского стиха и об относительной правомерности принципа эквилинеарности стихотворного перевода (т. е. сохранения в

нем того же числа строк, что и в подлиннике).

И тем не менее центр тяжести докладов лежал отнюдь не в сфере этих и подобных им теоретических соображений — они, за немногими исключениями, были высказаны лишь вскользь. Докладчики — прежде всего Чуковский и Кожевников — сосредоточили свое внимание на теме быть может и актуальной, но достаточно узкой: именно, на критике переводов Шекспира, принадлежащих Анне Радловой (главным образом «Отелло»).

Нам думается, что подобное сосредоточение внимания конференции на ошибках одного переводчика, сделанных в одной притом ранней работе («Отелло»), привело к нежелательным последствиям. Не было указано, что, например, в «Гамлете» — позднейшей работе Радловой — гораздо меньше инкриминируемых ей ошибок, чем в «Отелло» (в переводе «Гамлета», принадлежащем Лозинскому, недостатков несколько не менее, чем у Радловой). Не была достаточно серьезно учтена принципиальная установка Радловой на «сценичность» перевода, не была должным образом оттенена ее роль пионера, первого советского переводчика, самостоятельно, по-новому подошедшего к Шекспиру и впервые поставившего себе задачей подлинную точность перевода и передачу шекспировских образов во всей их конкретности.

Это сужение поля зрения конференции чрезвычайно ограничило и объем тех выводов, к которым она привела. Юморист мог бы сказать, что вывод, собственно говоря, получился один: не следует переводить Шекспира так, как переводила его Анна Радлова. Но, конечно, этот юморист был бы прав лишь частично.

И прочитанные доклады, и сообщение самой Радловой, и те горячие споры, которые шли на конференции вокруг вопроса об оценке ее перевода (выступления гг. Шенгели, Левидова, Шершеневича, С. Э. Радлова, народного артиста СССР Михаэкса, проф. Фортунатова и др.), все же позволяют наметить кое-какие выводы.

Да, может быть, Шекспира следует переводить не так, как его переводила Радлова. Этот этап пройден. Шекспира следует переводить, как несравненного по своему обаянию поэта, сохраняя всю роскошь его стиля, всю экспрессивность его интонаций, воссоздавая все ритмико-мелодическое богатство его стиха, и в этом смысле, как указали проф. Морозов и К. И. Чуковский, заслуживают внимания старые переводы Шекспира — переводы Вейнберга, Дружинина, Кронеберга. Они многословны, неточны, наивны, но в них есть бережное отношение к Шекспиру-поэту, есть стремление посылить воссоздать поэтическое обаяние Шекспира. И советские переводчики не должны допустить, чтобы старые переводчики превзошли их в этом отношении.

Литературность перевода не должна противопоставляться его сценичности (как нет ни следа этого противопоставления у самого Шекспира). Если переводы Радловой таковы, что актерам их удобно играть, это означает только, что нашим актерам не так-то легко воссоздать на сцене подлинного Шекспира. Исполнение Шекспира требует от актера высокой культуры речи, умения читать стихи, понимать и передавать все оттенки бесконечно богатой поэтической речи Шекспира. Во всей своей яркости пусть зазвучит она с советской сцены — в разрешении этой почетной задачи должны протянуть друг другу руки советский переводчик и советский актер.

М. СТОЛЯРОВ